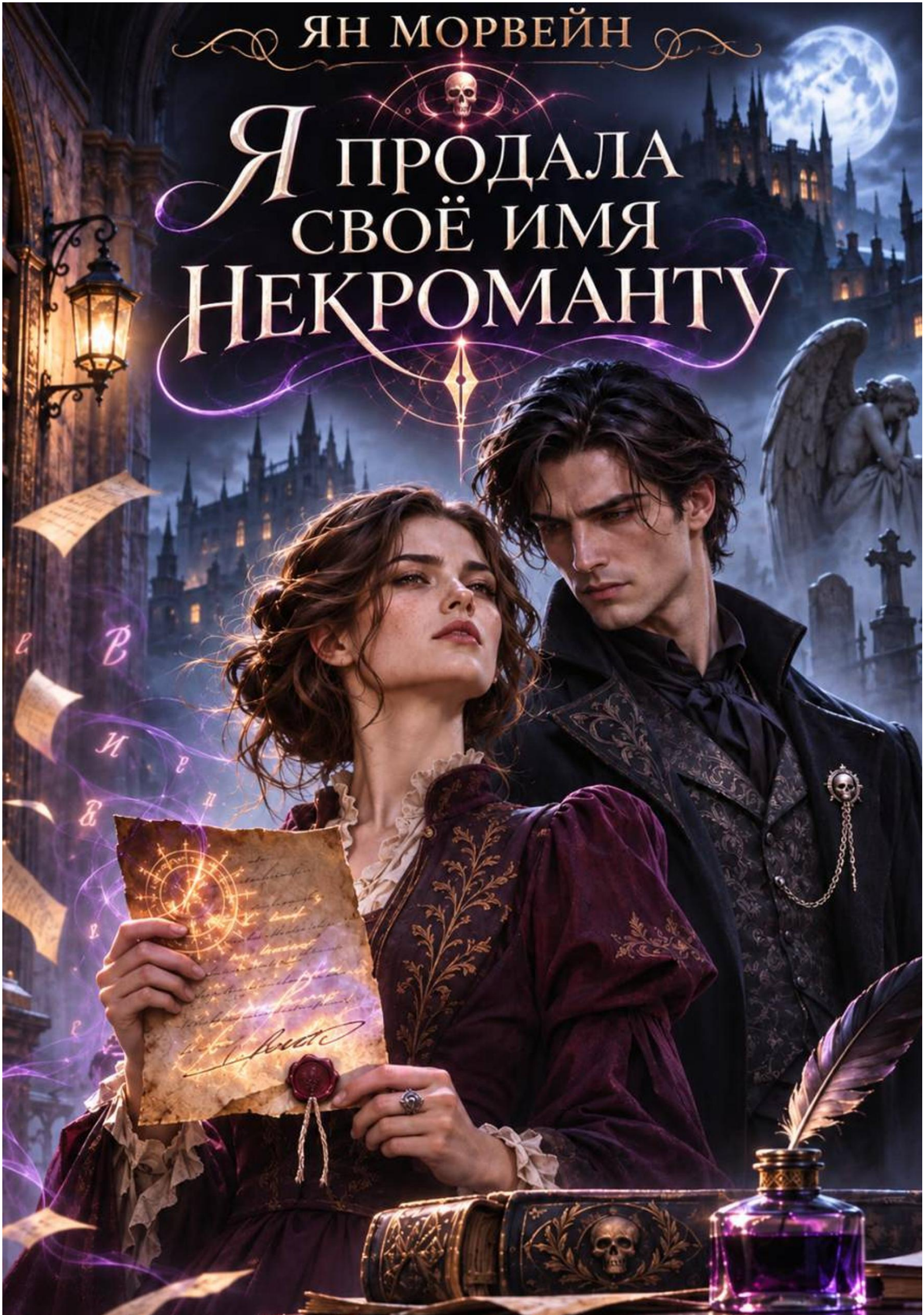

ЯН МОРВЕЙН
Я ПРОДАЛА СВОЁ ИМЯ НЕКРОМАНТУ

Ян Морвейн

Я продала своё имя некроманту

«Автор»
2026

Морвейн Я.

Я продала своё имя некроманту / Я. Морвейн — «Автор», 2026

В четверг утром моя мать перестала меня узнавать. Затем моё имя исчезло из документов, а лицо — с семейных фотографий.В городской книге умерших я обнаружила невероятное: семь лет назад я добровольно продала своё имя некроманту Ренару Фоссу. Только вот самой сделки совершенно не помню.Теперь у меня двадцать один день, чтобы вернуть себе жизнь.Ренар знает правду, но не спешит ею делиться. За его молчанием скрываются опасные сделки, чужие смерти и тайна, которую я когда-то предпочла забыть.Я должна решить, можно ли доверять человеку, которому принадлежит моё имя. Особенно когда начинаю понимать, что он может завладеть и моим сердцем.

© Морвейн Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Девушка, которой нет 5
Глава 1. Чужая дочь 5
Глава 2. Дом на Тихих Колоколах 18
Глава 3. Двадцать один день 29
Глава 4. Комната без хозяйки 35
Глава 5. Вторая покойница 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Ян Морвейн
Я продала своё имя некроманту

Часть I. Девушка, которой нет

Глава 1. Чужая дочь

Мать забыла меня в четверг.

В среду вечером она ещё ругала меня за то, что я питаюсь всухомятку, слишком много работаю и совершенно не думаю о будущем. А в четверг утром предложила мне купить булочку с маком — по цене для любого покупателя.

Как постороннему человеку.

Всё началось с перчаток.

Мать оставила их у меня во вторник, когда приходила ужинать и заодно проверять, не умерла ли я от голода среди своих драгоценных книг. Перчатки были серыми, шерстяными, с прожжённым большим пальцем. Ещё прошлой зимой она обещала зашить дырочку.

Разумеется, не зашила.

Я тоже, хотя половину своей жизни зарабатывала именно тем, что исправляла чужую небрежность.

В четверг утром перчатки обнаружились на кухонном столе, и я решила занести их в пекарню по дороге в мастерскую.

Над Лиором висело низкое серое небо. С крыш капало после ночного дождя, мостовая блестела, а торговцы на Рыночной площади уже успели поссориться из-за места под навесом.

Город просыпался в своём обычном дурном настроении.

Я любила его именно таким.

Старинные дома теснились вдоль узких улиц, словно постоянно подслушивали разговоры соседей. Медные вывески скрипели на ветру. Над башней городской канцелярии возвышались часы, которые, по мнению половины жителей, всегда спешили, а по мнению другой — безбожно отставали.

Лично я считала, что часы работали исправно. Просто жители Лиора редко приходили вовремя.

Пекарня матери находилась в двух кварталах от моего дома.

Над дверью висела вывеска с нарисованным караваем, которую отец собственноручно вырезал из дерева лет пятнадцать назад. Краска давно облупилась, но мать отказывалась её обновлять.

«Твой отец не любил, когда портили хорошую работу», — говорила она.

Отец вообще много чего не любил.

Например, когда я оставляла раскрытые книги корешками вверх.

Или когда кто-нибудь называл переплётное дело скучным.

Впрочем, спорить с ним по этим вопросам я перестала шесть лет назад, когда его похоронили.

Я толкнула дверь пекарни плечом.

Над головой звякнул колокольчик.

— Мам, ты опять оставила у меня свои…

Женщина за прилавком подняла голову.

— Доброе утро. Вам что-нибудь подсказать?

Я остановилась.

Мать улыбалась.

Обычной своей улыбкой — приветливой, немного усталой. В уголках глаз собирались мелкие морщинки, на щеке белело пятнышко муки, а из-под наспех завязанного платка выбивалась седая прядь.

Она выглядела совершенно нормально.

В этом и заключалась проблема.

— Очень смешно, — сказала я.

— Простите?

— Мам, я понимаю, утро тяжёлое. Но мне ещё в мастерскую идти.

Она посмотрела на перчатки в моих руках.

— Вы хотели что-то сдать в починку?

— Нет, но теперь подумываю сдать тебя. По гарантии.

Мать не улыбнулась.

Вместо этого чуть нахмурилась и посмотрела за моё плечо.

— Вы кого-то ищете?

Я медленно опустила перчатки.

— Тебя.

— Меня?

— Да.

— Мы знакомы?

Я рассмеялась.

Не потому, что было смешно. Просто мне показалось, что это единственный разумный ответ на совершенно неразумный вопрос.

— Хватит, мам.

Она отступила на шаг.

Совсем немного.

Но я заметила.

— Пожалуйста, не заходите за прилавок, — сказала она.

Только тогда я поняла, что сделала несколько шагов вперёд.

— Посмотри на меня.

— Девушка…

— Это я. Лея.

Мать замерла.

— Лея Вард, — добавила я. — Твоя дочь.

Что-то изменилось в её лице.

Она нахмурилась, чуть склонила голову. На мгновение мне показалось, что она пытается вспомнить слово, вертящееся на кончике языка.

— Лея… — повторила она.

Я выдохнула.

— Ну вот.

— Красивое имя.

Я почувствовала, как у меня холодеют пальцы.

— Мам, ты вчера приносила мне суп. Помнишь? Сказала, что если я ещё раз поужинаю хлебом с сыром, то скоро сама превращусь в сухарь. А во вторник мы сидели у меня до полуночи. Ты рассказывала про господина Бремма, который опять жаловался на твои пироги, хотя купил шесть штук.

Мать слушала внимательно.

Слишком внимательно.

Так слушают человека, который знает о тебе неприлично много и непонятно откуда.

— Я действительно знаю господина Бремма, — произнесла она.

— Конечно знаешь!

— Но у меня нет дочери.

Я открыла рот.

И не нашла ничего, что можно было бы сказать.

Она не произнесла это жестоко. Не попыталась меня обидеть. Наоборот — говорила осторожно, почти виновато.

Наверное, именно поэтому слова оказались такими страшными.

У меня нет дочери.

Всё детство мать твердила, что я слишком много спорю. Что всегда найду ответ даже на самый нелепый вопрос.

На этот раз у меня не нашлось ни одного.

Из подсобки выглянул Томас, её подмастерье. Увидев нас, он остановился с подносом горячих булочек.

— Госпожа Вард, что-то случилось?

На секунду мне стало легче.

Он назвал нашу фамилию.

Значит, хотя бы…

— Всё в порядке, Томас, — ответила мать. — Будь добр, позови господина Белла.

Господин Белл держал мясную лавку напротив.

Высокий мужчина с руками размером с лопаты.

Его обычно звали, когда нужно было передвинуть шкаф или выгнать пьяного покупателя.

— Ты собираешься выставить меня? — спросила я.

Мать не ответила.

И тогда я увидела фотографию.

Она стояла на полке возле кассы, рядом с жестяной банкой для мелочи.

Небольшой семейный снимок в деревянной рамке.

Я знала его наизусть.

Мне было девять. Отец стоял слева, мать справа, а между ними — я, с двумя кривыми косичками и таким недовольным лицом, словно фотограф лично испортил мне весь день.

Мы ездили к морю.

Отец купил воздушного змея, который почти сразу запутался в дереве, и следующие два часа провёл в совершенно бесполезной борьбе с ветками.

Я сама уронила рамку через несколько месяцев после той поездки. В нижнем углу до сих пор оставалась царапина.

Девочка с косичками исчезла со снимка.

Я подошла к полке.

— Не трогайте, пожалуйста, — сказала мать.

Я всё равно взяла фотографию.

На ней отец стоял немного в стороне, а мать улыбалась, прижимая к груди шляпу, которую едва не уносило ветром.

Между ними виднелась дорожка, уходящая к морю.

Пустая.

Не белое пятно.

Не испорченная часть изображения.

Просто место, на котором никто никогда не стоял.

— Мы ездили туда втроём, — прошептала я.

Мать приблизилась.

— Откуда вы знаете про эту поездку?

— Потому что я была с вами.

— Нет.

— Мам…

— Нет, — повторила она, на этот раз твёрже. — Мы ездили вдвоём. Мой муж тогда ещё был жив.

Я хотела возразить.

Рассказать ей про змея. Про то, как отец наступил в лужу и испачкал новые ботинки. Про мороженое, которое я уронила на платье.

Но, глядя на фотографию, вдруг поняла: она действительно ничего не помнит.

И если я сейчас начну рассказывать ей подробности, станет только хуже.

Я поставила рамку обратно.

Мать протянула руку, словно собиралась отодвинуть её подальше от меня.

Пальцы дрожали.

Она боялась.

Если бы незнакомая женщина вошла ко мне в квартиру, назвала меня дочерью и принялась перечислять подробности моего детства, я, наверное, тоже испугалась бы.

Эта мысль оказалась неприятнее всего.

— Хорошо, — сказала я. — Я уйду.

Мать облегчённо выдохнула.

Я положила перчатки на прилавок.

— Это твои.

Она посмотрела на серую шерсть.

Провела большим пальцем по прожжённой дырочке.

И вдруг её лицо исказилось.

Ненадолго — всего на мгновение.

— Я… — начала она.

Я застыла.

— Что?

Мать поднесла перчатки ближе.

— Странно. Мне почему-то кажется, что я уже видела вас.

В груди болезненно сжалось.

— Конечно видела. Мам, пожалуйста…

Она моргнула.

И выражение узнавания исчезло.

— Простите, — сказала она. — Я, должно быть, обозналась.

Я стояла ещё несколько секунд.

Потом повернулась и вышла.

Колокольчик звякнул у меня над головой.

На улицу я вышла, не купив ни одной булочки.

* * *

Домой я шла быстро.

Не потому, что знала, что делать.

Как раз наоборот.

Я понятия не имела, что следует делать, когда собственная мать утверждает, что тебя не существует.

Вызвать врача?

Позвать городскую стражу?

Сходить к магу?

Последний вариант казался наиболее правдоподобным, но хорошего мага в Лиоре было сложнее найти, чем честного сборщика налогов. По крайней мере, так говорил отец.

Поэтому я отправилась домой.

Там хранились вещи, которые не могли лгать.

У каждого человека есть доказательства собственной жизни.

Письма, фотографии, забытые квитанции, старые платья, которые уже невозможно надеть, но жалко выбросить.

У меня таких доказательств было особенно много.

Работа переплётчицы располагала к тому, чтобы сохранять бумагу.

Моя квартира занимала второй этаж дома над часовой мастерской. Я прожила здесь почти четыре года и прекрасно знала, какая ступень лестницы скрипит, где отходит штукатурка и насколько сильно нужно дёрнуть входную дверь, чтобы она открылась.

Ступень скрипнула.

Штукатурка осталась на месте.

Дверь открылась после второго рывка.

От этих мелочей мне стало немного спокойнее.

Внутри тоже всё было привычно.

Книги на столе. Чашка с засохшим чайным следом. Платье на спинке стула. На полу — бумажная стружка после вчерашней работы.

Всё моё.

Я закрыла дверь.

Прислонилась к ней спиной.

И только тогда заметила, как сильно у меня трясутся руки.

— Так, — сказала я вслух. — Хорошо.

Это, разумеется, было неправдой.

Но слышать собственный голос оказалось полезно.

Я выдвинула ящик стола.

Там лежали документы.

Свидетельство о рождении, регистрационная карточка, договор аренды и разрешение на ремесло.

Я разложила всё перед собой.

На свидетельстве о рождении сохранились городской герб, дата и печать.

Но строка с моим именем была пустой.

Я взяла договор аренды.

Имя хозяина дома осталось на месте.

Размер платы — тоже.

А рядом со словом «наниматель» белела чистая бумага.

На ремесленном свидетельстве не было ни имени, ни фамилии.

Я перевернула листы.

Поднесла к окну.

Провела пальцами по бумаге.

И почувствовала знакомые углубления.

Перо оставляет не только чернила, но и след от нажима. На хорошей плотной бумаге этот след способен сохраняться десятилетиями.

Я достала тонкий лист и мягкий графит.

Наложила бумагу поверх пустой строки и осторожно провела по ней несколько раз.

Постепенно проступили линии.

Не все.

Но достаточно, чтобы различить первую букву.

«Л».

Я отложила графит.

Чернила исчезли.

След от пера остался.

Это было странно.

И почему-то напугало меня сильнее, чем пустые документы.

Если бы кто-то просто похитил мои бумаги или подделал записи, существовало бы понятное объяснение. Чужие руки, украденные ключи, неудачная шутка.

Но здесь словно кто-то менял не сами вещи, а то, что они должны были означать.

Я выдвинула нижний ящик.

Там хранился семейный альбом.

Сердце колотилось так сильно, что я едва могла развязать ленточку на обложке.

На первых страницах были родители.

Совсем молодые.

Потом их свадьба.

Дом, в котором я выросла.

Пекарня до ремонта.

Я перевернула страницу.

Пустой двор.

Перевернула следующую.

Мать стояла возле дерева с протянутыми руками.

Я помнила этот день.

Мне исполнилось шесть, и я пыталась забраться на ветку, пока мать уговаривала меня спуститься.

Теперь она протягивала руки к пустому месту.

Я закрыла альбом.

Не потому, что больше не верила своим глазам.

Я слишком хорошо им верила.

Просто смотреть дальше не могла.

Возможно, я просидела так несколько минут.

Возможно, гораздо дольше.

На столе остывал вчерашний чай, из соседней квартиры доносилось скрипучее пение часовщика, а я пыталась решить, что делать с открытием, которого не должно было существовать.

Потом посмотрела на регистрационную карточку.

И поняла, с чего следует начать.

Если из городских документов исчезло моё имя, значит, нужно проверить городские документы.

Я собрала бумаги, положила их в сумку и направилась в канцелярию.

* * *

К полудню выяснилось, что в Лиоре умереть гораздо проще, чем доказать, что ты жив.

В канцелярии пахло мокрой одеждой, чернилами и отчаянием.

Очередь тянулась от дверей до третьего окна. Возле соседнего какой-то мужчина уже четверть часа доказывал, что его покойная тётушка не могла оставить наследство коту.

— Но подпись подлинная, — невозмутимо отвечал чиновник.

— Он же кот!

— В завещании это указано.

— И вас ничего не смущает?

— Лично меня смущает только то, что вы мешаете следующему посетителю.

Я бы посмеялась, если бы не обстоятельства.

Когда подошла моя очередь, женщина за стеклом даже не подняла головы.

— Цель обращения?

— У меня исчезло имя с документов.

— Восстановление документов — четвёртое окно.

— Сами документы остались. Посмотрите.

Я протянула карточку.

Женщина повертела её в руках.

— Повреждение чернил.

— На всех документах одновременно?

— Бывает некачественная бумага.

— И семейные фотографии тоже некачественные?

Она наконец посмотрела на меня.

На табличке возле окна значилось: «Госпожа Нель. Отдел учёта населения».

— У вас есть конкретный запрос?

— Проверьте, пожалуйста, существует ли в ваших книгах Лея Эстер Вард.

Женщина вздохнула, но всё-таки раскрыла большой регистрационный том.

— Дата рождения?

Я назвала.

— Адрес?

— Южная улица, восемнадцать.

Её палец заскользил по столбцам.

Она перевернула страницу.

Вернулась назад.

Проверила соседний раздел.

— По этому адресу числится квартира, — сообщила она.

— Прекрасно. Я в ней живу.

— Наниматель не указан.

Я выложила договор аренды.

— Вот. Плачу каждый месяц. Хозяин — господин Редли, часовщик. Можете спросить.

Госпожа Нель сравнила печати.

И вдруг посмотрела на договор внимательнее.

— Когда вы заметили изменения?

— Сегодня утром.

— А раньше всё было правильно?

— Да.

Она отложила перо.

— Кто-нибудь из родственников может подтвердить вашу личность?

Я почувствовала, как болезненно сжалось горло.

— Моя мать сегодня сказала, что у неё нет дочери.

На этот раз госпожа Нель не стала отправлять меня к другому окну.

Она взяла карточку двумя пальцами, словно боялась испачкаться.

Затем достала из ящика небольшой справочник и быстро просмотрела несколько страниц.

Я заметила, как изменилось её лицо.

— Подождите здесь, — сказала она.

— Что вы нашли?

— Пока ничего.

— Но…

— Прошу вас. Не уходите.

И скрылась за дверью.

* * *

Через десять минут госпожа Нель вернулась с высоким пожилым мужчиной в тёмно-сером мундире.

На воротнике у него блестел серебряный знак канцелярии.

Мужчина взял мою карточку, внимательно изучил её, после чего попросил повторить имя.

— Лея Эстер Вард.

Он посмотрел на пустую строку.

— Вы уверены?

Я сжала зубы.

— Сегодня все удивительно настойчиво спрашивают меня об этом.

— Простите. Это служебная необходимость.

Он представился старшим регистратором Дареном Келлом и предложил пройти за ним.

Мы спустились на нижний этаж.

Потом ещё ниже.

На стенах стало меньше окон, а воздух приобрёл запах сырого камня, свечного воска и старой кожи.

Мужчина шёл впереди, держа лампу.

— Куда мы идём?

— В отдел архивных расхождений.

— Звучит ужасно.

— У нас не принято давать отделам привлекательные названия.

— Чтобы посетители не задерживались?

— В том числе.

Я решила, что он мне нравится.

Совсем немного.

Мы остановились перед тяжёлой дверью, обитой тёмным деревом.

Келл достал ключ.

— Мне необходимо уточнить одну вещь, госпожа Вард. Были ли у вас значительные провалы в памяти?

Я задумалась.

— Насколько значительные?

— Несколько дней. Возможно, неделя. События, о которых рассказывают другие, но которых вы совершенно не помните.

Я уже хотела ответить отрицательно.

Но вспомнила кое-что.

Семь лет назад мне исполнилось восемнадцать.

Я хорошо помнила день рождения.

Помнила платье, подаренное матерью.

Помнила, как отец обещал повести меня на праздник фонарей.

А вот сам праздник…

Я нахмурилась.

Не было ни одного отчётливого воспоминания.

Не просто старого или поблекшего.

Совсем никакого.

Будто кто-то вырезал из моей жизни несколько дней и аккуратно склеил оставшиеся края.

— Возможно, — сказала я.

Келл внимательно посмотрел на меня.

Ничего не ответил.

И открыл дверь.

За ней оказалась небольшая комната.

Стол. Несколько стульев. Шкаф с металлическими ящиками и высокий стеллаж с книгами в одинаковых чёрных переплётах.

На стене висели часы без стрелок.

Я хотела спросить, кому пришло в голову повесить здесь настолько бесполезную вещь, но потом увидела надпись на ближайшей книге.

«Реестр последних записей».

— Разве это не книга умерших?

— Да, — ответил Келл.

— Тогда я не понимаю, зачем мы здесь.

— Я хочу проверить ещё один раздел учёта. Присядьте.

Он снял со стеллажа тяжёлый том.

Переплёт был старым, но хорошо сохранившимся. Тёмная кожа, тиснёные серебром буквы, широкие ремни на корешке.

На мой взгляд, кто-то слишком туго натянул верхний ремень.

Впрочем, сейчас было не время оценивать чужую работу.

Келл раскрыл книгу.

Страницы оказались тонкими, почти прозрачными.

Он листал их медленно, пока не остановился примерно посередине.

Провёл пальцем по строке.

А затем совершенно неподвижно замер.

— Что там? — спросила я.

Он развернул книгу ко мне.

И указал на запись.

Лея Эстер Вард.

Ниже стояла дата.

Ровно семь лет назад.

И ещё одна строка.

«Статус: умершая».

Я посмотрела на неё.

Потом на Келла.

Потом снова на книгу.

— Это ошибка.

— Возможно.

— Очевидно. Я стою перед вами.

— Вижу.

— Я дышу.

— Не сомневаюсь.

— В субботу у меня сдача заказа. Если я действительно умерла семь лет назад, это крайне неудачный момент сообщить мне об этом.

Он не улыбнулся.

Вместо этого перевернул страницу.

Под моей записью находилась небольшая печать, а рядом — номер договора.

— Госпожа Вард, — сказал он, — иногда запись о смерти возникает в результате особой процедуры.

— Какой?

— Передачи имени.

Я моргнула.

— Кому?

— Другому лицу.

— Зачем?

— Такие договоры рассматривает особая комиссия. Я занимаюсь их регистрацией, а не содержанием.

— Но вы ведь понимаете, что это значит?

— Я понимаю, что ваше имя числится переданным.

Он говорил сухо, однако пальцы, лежавшие на краю страницы, были напряжены.

Келл закрыл том и подошёл к металлическому шкафу.

Достал папку.

Сверил номер договора с каталожной карточкой.

Затем вынул заверенную выписку.

— Здесь указано лицо, оформившее передачу.

Он положил лист передо мной.

В верхней части находилось моё имя.

Дальше следовали незнакомые юридические формулировки.

Передача.

Отсрочка.

Срок действия — семь лет.

Внизу стояли подписи.

Первая была чужой.

Ренар Фосс.

Вторая…

Я поднесла бумагу ближе к свету.

На секунду мне показалось, что в комнате стало нечем дышать.

Это был мой почерк.

Не похожий.

Не приблизительно такой же.

Мой.

Я знала особенности собственного письма лучше, чем некоторые люди знают свои лица.

Когда мне было двенадцать, отец учил меня выводить буквы тонким пером. Я постоянно слишком сильно нажимала на бумагу, из-за чего нижние петли получались тяжелее верхних.

Эта привычка осталась.

В подписи буква «Л» начиналась слишком резко, а хвост последней «д» уходил немного ниже строки.

И рядом с последней буквой даже виднелась маленькая клякса.

Я могла бы поклясться, что поставила её сама.

— Нет, — прошептала я.

Келл молчал.

— Я бы запомнила, если бы подписала подобное.

— Возможно, — осторожно произнёс он, — стоит обсудить это с заверителем.

— Кто он?

— Некромант.

Я подняла глаза.

Некромантов в Лиоре не любили.

Их терпели примерно так же, как городских сборщиков налогов: понимали, что они необходимы, но старались не приглашать домой.

Некроманты заверяли последние завещания, работали с останками и помогали выяснять обстоятельства смерти, когда обычных доказательств было недостаточно.

Отец однажды говорил, что большинство страшных историй о некромантах придумывают люди, которым никогда не приходилось с ними работать.

Мать тогда заметила, что это не делает соседство с кладбищем привлекательнее.

— Значит, он знает, что со мной происходит?

— По крайней мере, должен знать условия договора.

— И он может его отменить?

Келл помедлил.

— Я бы не стал вам этого обещать.

Он снова взял папку и прочёл последние строки.

— Срок отсрочки истёк сегодня. Открыта обязательная сверка.

— Что это означает?

— В течение двадцати одного дня запись может быть оспорена, исправлена или окончательно закрыта.

— Закрыта?

Келл не ответил сразу.

— Если этого не произойдёт, передача будет признана окончательной.

Я посмотрела на выписку.

На собственную подпись.

На дату.

— А что будет со мной?

— Этого я не знаю, госпожа Вард.

Его ответ прозвучал слишком быстро.

Я могла бы потребовать большего. Расспросить о законах, о комиссиях, о том, почему никто не предупредил меня раньше.

Но тут заметила кое-что странное.

Келл оставил старый Реестр раскрытым.

У самой середины тома, возле внутреннего сгиба, край бумаги чуть отходил от переплёта.

Я машинально посмотрела на него.

И замерла.

На узкой полоске внутреннего форзаца виднелась отметка.

Три короткие черты, пересечённые одной длинной.

Криво.

Небрежно.

Совершенно не похоже на служебную печать.

Я знала этот знак.

Отец научил меня ставить его на внутренней стороне переплётов, когда мы находили под обложкой что-нибудь подозрительное.

«Не вздумай сразу разбирать чужую книгу, Лея. Сначала пометь, потом разберёшься. Люди забывают, а бумага, если обращаться с ней правильно, помнит».

Я протянула руку.

— Можно?

— Что именно?

— Посмотреть переплёт.

Келл удивлённо поднял брови.

— Сейчас?

— Я переплётчица.

Он кивнул.

Я осторожно придвинула том.

След был неглубоким, сделанным остриём костяной гладилки. Такой инструмент использовали для работы с кожей и бумагой.

Меня поразило не то, что я узнала отметку.

Любой ученик отцовской мастерской мог её знать.

Меня поразило другое.

Я помнила, как однажды сама оставила подобный знак в старом городском томе.

Не помнила, в каком именно.

Но помнила, как отец держал книгу, а я пыталась сделать надрез как можно тоньше.

Я посмотрела на корешок.

Одна из кожаных накладок была немного светлее остальных.

Под ней угадывался второй слой материала.

Возможно, обычная старая реставрация.

Возможно, нет.

— Эту книгу когда-нибудь отдавали в переплётную мастерскую? — спросила я.

— Архивные тома периодически реставрируют.

— А семь лет назад?

Келл нахмурился.

— Я не могу знать наизусть историю каждого переплёта.

Я взяла из сумки карандаш и быстро зарисовала расположение метки на обороте старой квитанции.

— Вам нельзя делать копии архивных записей без разрешения, — заметил он.

— Я копирую повреждение переплёта. Это, насколько мне известно, ещё не государственная тайна.

Келл посмотрел на рисунок.

Потом на меня.

И промолчал.

Я закрыла том.

К вечеру у меня осталось не только ощущение, что кто-то пытается стереть моё прошлое.

Появилась возможность найти след.

Свой собственный.

* * *

Когда я попросила адрес Ренара Фосса, Келл снова достал служебный справочник.

— Он может больше не проживать там, где был зарегистрирован, — предупредил он.

— Тогда хотя бы начну с этого.

Он переписал адрес на лист.

Северный квартал.

Улица Тихих Колоколов.

Дом тринадцать.

— И ещё одно, госпожа Вард.

Я подняла голову.

— Да?

— Если заверитель откажется помочь, вы вправе обратиться в комиссию. Заявление должны принять до истечения срока сверки.

— Значит, у меня три недели?

— Двадцать один день, считая сегодняшний.

Я сложила лист.

— Удивительно, как много зависит от канцелярских сроков.

— Вы даже не представляете.

Он проводил меня до двери.

Перед тем как я вышла, Келл неожиданно остановил меня.

— Госпожа Вард.

Я обернулась.

— Не теряйте эту выписку.

Он протянул мне документ с печатью.

— Почему?

— Если ваше имя начнёт исчезать из других записей, эта может оказаться полезной.

Я взяла бумагу.

— А она не исчезнет?

Келл посмотрел на красную печать.

— Не должна. Это уже запись о передаче, а не обычное свидетельство личности.

Мне хотелось спросить, откуда у него такая уверенность.

Но по его лицу было видно, что большего он всё равно не скажет.

* * *

На улицу я вышла после полудня.

Дождь усилился.

Прохожие спешили под навесы, торговцы накрывали товары промасленной тканью, а над крышами глухо били городские часы.

Всё шло своим чередом.

И от этого становилось невыносимо.

Ведь где-то сейчас мать, наверное, пересчитывала выручку и пила чай у окна.

Возможно, вспоминала странную девушку, которая утверждала, что приходится ей дочерью.

А возможно, уже забыла.

Я достала документ из сумки.

Подписи оставались на месте.

Моя.

И чужая.

Потом развернула лист с адресом.

Ренар Фосс.

Некромант.

Человек, которому семь лет назад я добровольно передала собственное имя.

Я не знала, зачем сделала это.

Не знала, чего он потребовал взамен.

И совершенно не представляла, что произойдёт, когда истекут двадцать один день.

Но теперь у меня имелись хотя бы две вещи.

Адрес человека, который мог знать правду.

И нарисованная на квитанции отметка, оставленная в архивном томе.

Я убрала оба листа в сумку.

На Северный квартал уходила старая трамвайная линия, но ждать вагон не хотелось.

Я пошла пешком.

Если этот Фосс действительно купил моё имя, у него наверняка найдётся достаточно времени, чтобы объяснить мне, зачем.

Глава 2. Дом на Тихих Колоколах

В Лиоре существовало негласное правило: если улица носит красивое название, лучше заранее проверить, кто на ней живёт.

На Цветочной торговали похоронными венками.

На Солнечной никогда не бывало солнца — слишком близко стояли дома.

А улица Тихих Колоколов, как выяснилось, находилась рядом со старым кладбищем.

Что ж, для некроманта место подходящее.

Я остановилась у перекрёстка и сверилась с адресом.

Северный квартал отличался от остальных районов Лиора почти полным отсутствием торговли. Здесь не кричали разносчики, не пахло свежей выпечкой, а прохожие старались не задерживаться возле домов дольше необходимого.

Над крышами поднималась колокольня.

На её башне висели семь больших бронзовых колоколов.

Ни один не звонил.

Улица получила название после того, как старое кладбище закрыли, а из колоколов вынули языки. Говорили, что во время последней эпидемии они звонили так часто, что горожане больше не могли выносить их звук.

В детстве отец рассказывал мне эту историю, когда мы проходили неподалёку.

Тогда я спросила, почему колокола нельзя было просто снять.

Он ответил, что иногда люди предпочитают оставлять напоминания о том, чего больше не хотят слышать.

В детстве мне казалось, что это очень мудро.

Сейчас я была не столь уверена.

Дом номер тринадцать оказался трёхэтажным зданием из тёмного камня. Окна нижнего этажа были закрыты узкими ставнями, у крыльца росла почти засохшая сирень, а на двери висела металлическая табличка:

Ренар Фосс.

Заверение последних свидетельств.

Работа с посмертными записями.

Ниже кто-то процарапал слово «шарлатан».

А ещё ниже другой человек аккуратным почерком добавил:

«По крайней мере, грамотный».

Я невольно улыбнулась.

Потом вспомнила, зачем пришла, и постучала.

Никто не ответил.

Я подождала.

Постучала ещё раз.

За дверью раздались шаги.

— Если вы по поводу родственника госпожи Астер, — произнёс мужской голос, — ответ остаётся прежним.

Я нахмурилась.

— Я не знаю никакой госпожи Астер.

Шаги остановились.

— Тогда изложите причину визита.

— Вы Ренар Фосс?

Пауза.

— Кто спрашивает?

Я посмотрела на выписку.

— Человек, чьё имя вы купили семь лет назад.

Тишина.

Долгая.

Такая, что я успела подумать, не стоит ли повторить.

Потом за дверью щёлкнул замок.

Затем второй.

И третий.

Дверь приоткрылась.

На пороге стоял мужчина лет тридцати с небольшим.

Высокий, худощавый, с тёмными волосами, которые выглядели так, будто их давно следовало подстричь. На нём были простая рубашка с закатанными рукавами и тёмный жилет.

Никакого чёрного плаща.

Никаких серебряных черепов.

Ни даже подходящей для некроманта зловещей улыбки.

Признаться, я испытала некоторое разочарование.

Но только на мгновение.

Потому что мужчина смотрел на меня так, словно увидел нечто совершенно невозможное.

— Лея, — сказал он.

Я замерла.

Мать не узнала меня.

Городские документы забыли моё имя.

А этот незнакомец произнёс его без малейшего сомнения.

— Значит, вы меня помните.

Мужчина не ответил.

Его взгляд скользнул по моему лицу, затем к сумке, которую я прижимала к груди.

— Кто направил вас сюда?

— Городская канцелярия.

Он выругался.

Тихо.

Но весьма выразительно.

— Входите.

— Сначала я хочу…

— Входите, госпожа Вард.

Я вскинула брови.

— Обычно, прежде чем пригласить девушку в дом, представляются.

— Вы уже знаете моё имя.

— А вы, похоже, слишком хорошо знаете моё.

Он посмотрел мне за плечо.

Что-то в его лице изменилось.

— Мы можем продолжить эту беседу на улице, — произнёс он, — но тогда у нас, вероятно, появятся слушатели.

Я обернулась.

На противоположной стороне улицы возле фонарного столба стоял мужчина в сером пальто.

Ничего необычного.

Если не считать того, что за последние несколько минут он так и не сдвинулся с места.

Его лицо скрывала широкополая шляпа.

Я отвернулась.

— Это ваш знакомый?

— К сожалению, нет.

— Тогда почему…

— Лея.

Он произнёс моё имя почти резко.

Я посмотрела на него.

— В дом. Пожалуйста.

Последнее слово, кажется, далось ему с заметным усилием.

Я переступила порог.

Ренар сразу закрыл дверь.

Снова щёлкнули три замка.

— Вы всегда так встречаете гостей? — спросила я.

— Только тех, кто приходит без предупреждения.

— Учитывая, что я не помню нашего знакомства, предупредить было затруднительно.

Он отвернулся.

— Полагаю.

И направился в глубину дома.

Я последовала за ним.

* * *

Внутри оказалось значительно уютнее, чем можно было ожидать от жилища некроманта.

В коридоре стоял старый шкаф, у стены лежала аккуратная стопка дров, а на подоконнике рос базилик.

Живой.

Очень живой.

Судя по виду, за ним ухаживали гораздо лучше, чем за сиренью снаружи.

Я решила не делать поспешных выводов.

Ренар провёл меня в комнату, одновременно служившую кабинетом и библиотекой.

Три стены занимали книжные шкафы. Возле окна стоял большой письменный стол, заваленный бумагами, а рядом — несколько глубоких ящиков с металлическими замками.

На каминной полке тикали часы.

С нормальными стрелками.

После канцелярии это почти обрадовало меня.

На столе лежала раскрытая книга с обгоревшими краями.

Возле неё — тонкие инструменты, кисть и небольшой серебряный зажим.

Я остановилась.

— Вы восстанавливаете рукописи?

Ренар проследил за моим взглядом.

— Иногда.

— Вы неправильно закрепили лист.

Он медленно повернул голову.

— Простите?

Я указала на зажим.

— Если оставить его здесь, повреждённая бумага пойдёт трещиной. Особенно после высыхания.

Некромант посмотрел на лист.

Потом на меня.

— Я извлекаю из него остаточный след.

— Извлекайте. Но не портите книгу.

Он несколько секунд молчал.

Затем снял зажим.

— Благодарю за замечание.

Я не ожидала, что он послушается.

И почему-то это меня слегка обезоружило.

— Не за что.

Ренар отодвинул стул.

— Садитесь.

— Предпочту постоять.

— Как угодно.

Он остался стоять по другую сторону стола.

Между нами оказалось около двух шагов и большое количество бумаг.

Для начала вполне приемлемое расстояние.

— Покажите, что вам выдали в канцелярии.

Я достала выписку.

Но не отдала.

— Сначала ответьте на вопрос.

Он устало прикрыл глаза.

— Какой именно?

— Вы купили моё имя?

— Да.

Я ожидала, что он начнёт отрицать.

Оправдываться.

Говорить о недоразумении.

Но он просто ответил.

Да.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость.

— И вы считаете это нормальным?

— Нет.

— Тогда почему сделали?

Ренар посмотрел на выписку в моих руках.

— Потому что в тот момент это казалось единственным выходом.

Я невольно рассмеялась.

— Из чего?

Он не ответил.

— Из каких неприятностей можно выбраться, продав собственное имя?

— Достаточно серьёзных.

— Прекрасное объяснение. Теперь мне гораздо спокойнее.

Ренар медленно выдохнул.

— Я понимаю, что вы злитесь.

— Правда? Какое удивительное проявление проницательности.

— Но если вы хотите получить ответы, нам придётся разговаривать спокойно.

Я положила выписку на стол.

— Хорошо. Давайте спокойно.

Сделала вдох.

— Сегодня утром моя мать не узнала меня. На семейной фотографии исчезло моё лицо. Моё имя пропало из документов. В канцелярии мне показали запись о том, что я умерла семь лет назад.

Ренар слушал, не перебивая.

— А теперь выясняется, что какой-то некромант владеет моим именем и совершенно не спешит объяснить, зачем оно ему понадобилось.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Поэтому предлагаю начать с простого. Вы вернёте мне то, что принадлежит мне, а затем я уйду и постараюсь забыть, что этот разговор вообще состоялся.

— Не получится.

— Почему?

— Потому что вернуть имя сложнее, чем забрать его.

Я замолчала.

Ренар посмотрел на выписку.

— Договор вступил в период сверки. С этого момента передача больше не защищена отсрочкой. Реестр начинает приводить остальные записи в соответствие с записью о вашей смерти.

— То есть стирать меня?

— Да.

— Как быстро?

Он помедлил.

— Не сразу.

— Очень утешительно.

— Стирание распространяется неравномерно. Сначала затрагиваются записи, непосредственно связанные с договором. Затем — люди, чья память теснее всего связана с вашим именем. Остальные изменения происходят постепенно.

Я вспомнила мать.

Её испуганное лицо.

Перчатки на прилавке.

— Значит, поэтому она забыла меня первой?

Ренар молчал.

Но я увидела, как напряглась его челюсть.

— Вы знали, что так произойдёт? — спросила я.

— Знал, что это возможно.

— И не предупредили?

— До истечения отсрочки я не имел права раскрыть вам условия договора.

— А сейчас?

Он поднял глаза.

— Сейчас могу рассказать часть.

— Часть?

— Условия передачи и события, которые к ней привели, — не одно и то же.

— Очень удобная разница.

— Не для меня.

В его голосе наконец прозвучало раздражение.

Оно неожиданно меня обрадовало.

Значит, некромант всё-таки был живым человеком, а не разговаривающим надгробием.

— Тогда расскажите хотя бы, что нужно сделать, чтобы отменить договор.

Ренар несколько секунд смотрел на меня.

Затем выдвинул ящик.

Достал чистый лист бумаги.

Взял перо.

— Для оспаривания передачи требуются четыре вещи.

Он написал первую строку.

— Подлинный договор.

Вторую.

— Подтверждение личности первоначального владельца.

Третью.

— Свидетельство заверившего некроманта.

И последнюю.

— Независимые свидетельства того, что сделка была заключена с нарушением условий.

Я прочитала список.

— Я здесь. Вы здесь. Осталось найти договор и свидетелей.

— Всё несколько сложнее.

— Вы часто повторяете эту фразу?

— С тех пор как познакомился с вами — да.

Я подняла голову.

Он тоже, кажется, не ожидал от себя такого ответа.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга.

— Значит, мы действительно были знакомы, — сказала я.

Ренар отвёл взгляд.

— Да.

— Насколько хорошо?

Он аккуратно положил перо.

— Достаточно, чтобы вы мне не доверяли.

Ответ прозвучал почти небрежно.

Но я почему-то почувствовала, что он дался ему нелегко.

* * *

За окном послышался стук колёс.

Мимо дома проехала повозка.

Ренар подошёл к окну, чуть отодвинул занавеску и посмотрел на улицу.

— Вы заметили человека возле фонаря? — спросил он.

— В сером пальто?

— Да.

— Кто он?

— Не знаю.

— Вы же сказали…

— Я сказал, что он не мой знакомый.

— А вы всегда так внимательно следите за незнакомцами?

— Только когда они трижды проходят мимо моего дома и ни разу не смотрят на вывеску.

Я подошла ближе.

Ренар опустил занавеску прежде, чем я успела заглянуть наружу.

— Нам следует уйти.

— Куда?

— В место, где можно поговорить без посторонних.

Я посмотрела на него.

— Это ваш дом.

— Благодарю. Я начинаю понимать, почему вы стали переплётчицей, а не сыщиком.

— И что мешает нам поговорить здесь?

Он повернулся ко мне.

— Потому что сегодня вы впервые за семь лет обратились в Реестр по собственному имени.

Я нахмурилась.

— И?
— Ваша запись должна была оставаться незамеченной до окончания срока проверки.
— Кем незамеченной?
Ренар промолчал.
Я почувствовала, как на смену злости приходит другое чувство.
Страх.
Не тот внезапный страх, который охватил меня утром в пекарне.
Этот был медленнее.
Холоднее.
Потому что теперь я задумалась: возможно, кто-то не просто стёр моё имя.
Возможно, кто-то хотел, чтобы я так и не узнала почему.
— Вы знали, что я приду? — спросила я.
Ренар посмотрел на меня.
Долго.
— Я надеялся, что нет.
Прежде чем я успела ответить, внизу раздался стук.
Три коротких удара.
Затем пауза.
И ещё два.
Ренар мгновенно повернул голову.
Его лицо изменилось.
— Не двигайтесь, — произнёс он.
— Кто там?
Он не ответил.
Стук повторился.
Уже громче.
Ренар открыл ящик стола и достал небольшой предмет, завёрнутый в чёрную ткань.
Я увидела серебряный край.
Он заметил мой взгляд и убрал предмет в карман.
— Лея, — сказал он неожиданно тихо. — Вы должны кое-что понять.
— Что?
— Я не собираюсь причинять вам вред.
— Довольно странное заявление от человека, купившего моё имя.
— Согласен.
Внизу снова постучали.
Теперь к стуку прибавился мужской голос:
— Господин Фосс! Откройте. Дело касается городской канцелярии.
Ренар шагнул к двери кабинета.
Потом остановился.
И обернулся ко мне.
— Если человек внизу спросит, как вас зовут, ничего не отвечайте.
Я нахмурилась.
— Почему?
Он посмотрел на выписку, которую я всё ещё держала в руках.
— Потому что для них вы уже умерли.
Снизу донёсся металлический щелчок.
Кто-то пытался открыть входную дверь.
Ренар погасил лампу.

В темноте комнаты стало слышно, как кто-то поворачивает в замке тонкий металлический предмет. Не ключ: ключ входил бы глубже и тяжелее. Я видела, как отец иногда вскрывал старые ларцы, принесённые в мастерскую вместе с рукописями. Звук был похожий, только сейчас за дверью находился не заржавевший ящик, а живой человек, который явно не собирался спрашивать разрешения.

Ренар вложил мне в ладонь что-то холодное. Серебряный кружок с отверстием посередине, гладкий с одной стороны и исчерченный крошечными знаками с другой.

— Держите так, чтобы круг касался кожи. И не говорите своего имени, что бы ни произошло.

— Вы уже об этом упоминали. Может, наконец объясните причину?

— Их приказ составлен на имя, которого по городскому учёту больше нет. Если вы ответите на вызов, они смогут считать вас той самой записью. Без ответа им придётся доказать, что перед ними именно вы.

— А по лицу определить нельзя?

— Лицо они увидят. Но юридическая магия не подчиняется лицам.

Внизу что-то лязгнуло; первый замок сдался. Ренар открыл небольшую дверцу за книжным шкафом. Я сперва приняла её за нишу: петли скрывались под деревянной планкой, а полки перед ней были настоящими, только неглубокими.

— Проходите.

— Там что, кладбище прямо в шкафу?

— Пока только лестница.

При обычных обстоятельствах я не пошла бы в тёмный проход вслед за человеком, который признался, что владеет моим именем. Но обычные обстоятельства закончились сегодня утром. Я шагнула внутрь, придерживая сумку, и ощутила запах влажного известняка. Ренар закрыл за нами дверцу; в соседней комнате тотчас стало совсем тихо, словно дом проглотил нас.

Лестница оказалась узкой и крутой. Снизу тянуло холодом. Где-то за стеной прошли тяжёлые шаги, затем послышался голос — тот же, что требовал открыть дверь:

— Господин Фосс, вы нарушаете порядок исполнения распоряжения. У нас есть разрешение на осмотр помещений.

Ренар остановился на площадке. Сквозь доски доносилось, как кто-то передвигает стул в кабинете.

— Разрешение на осмотр не даёт права взламывать дверь, — тихо заметила я.

— Поэтому их начальство будет утверждать, что я сам открыл.

Сверху раздался треск. Я вздрогнула. Ренар не повернул головы — лишь показал рукой вниз. Мы спустились в каменный подвал, где вдоль стен стояли ящики с восковыми печатями и пахло сухими травами. В углу находилась ещё одна дверь, железная, с тремя круглыми отверстиями вместо замочной скважины.

— Здесь вы держите покойников? — шёпотом спросила я.

— Здесь я держу уголь. Покойники гораздо реже требуют сухого помещения.

Он вложил серебряный кружок в центральное отверстие. Металл ответил едва слышным щелчком. Другие два отверстия Ренар нажал пальцами; дверь открылась, выпустив в лицо порыв сырого воздуха.

— Ваш дом сообщается с кладбищем, — сказала я, увидев коридор с нишами, уходящими в темноту.

— С бывшей служебной дорогой. Когда-то по ней вывозили вещи из карантинного квартала. Её замуровали с обеих сторон, но одну стену строители так и не довели до конца.

— А вы, конечно, случайно об этом узнали.

— Я работал при городской погребальной службе.

В отличие от него, я никогда не испытывала профессионального интереса к подземным ходам. По мокрым плитам приходилось идти боком; юбка цеплялась за выступы, сумка билась о стену. Ренар нёс небольшую ручную лампу, накрыв её свет узким жестяным козырьком. Я смотрела под ноги и думала, что единственное преимущество моей сегодняшней смерти — больше никто не вправе упрекнуть меня в легкомыслии.

Мы прошли несколько десятков шагов, когда сверху донёсся тяжёлый удар. Потом ещё один. Кто-то нашёл подвал.

— Они быстро обыскивают, — заметила я.

— Слишком быстро для обычных регистраторов.

Впереди показалась решётка. За ней угадывалась каменная лестница наверх. Ренар остановился, присел возле пола и снял с шеи тонкую цепочку. На ней висел плоский бронзовый медальон. Он приложил его к щели между плитами.

— Что вы делаете?

— Проверяю, проходил ли здесь кто-нибудь после последнего закрытия дороги.

Из щели поднялся лёгкий белесый пар, собрался над медальоном и почти сразу рассеялся. Ренар побледнел. Он убрал цепочку.

— Никого. Можно идти.

— Значит, вы всё-таки умеете колдовать.

— Я умею читать след ухода. Здесь когда-то умер человек, и его последняя память осталась в камне. Я могу различить, не потревожил ли её другой след. Это не чудо, Лея. И за каждую такую проверку приходится платить.

Он говорил уже медленнее, чем в кабинете, а пальцы с медальоном слегка дрожали. Я впервые увидела в нём не только человека с тайнами, но и человека, которому действие далось дорого. Не зная, что сказать, я просто придержала лампу, пока он отмыкал решётку.

За ней обнаружилась маленькая лестница. Наверху лежала тяжёлая каменная крышка. Ренар толкнул её плечом, и мы выбрались в заброшенную кладбищенскую мастерскую — помещение без окон, где раньше, должно быть, вырезали надписи на памятниках. У стены валялись обломки букв, на деревянном верстаке чернели пятна старого клея.

Именно клей привлёк моё внимание. Тёмная, почти прозрачная корка по краю доски; такие следы оставлял состав, которым пользовались при реставрации официальных книг. В нашем городе его варили только для канцелярии. Я поднесла лампу ближе.

— Этот верстак работал не только с камнем, — сказала я.

Ренар быстро обернулся.

— Откуда вы знаете?

— Здесь был переплётный пресс. Посмотрите на два отверстия, ровно на расстоянии ладони. И следы костного клея. Кто-то снял станок, но не потрудился зачистить поверхность.

Ренар долго смотрел на верстак.

— Я не знал, что здесь была переплётная мастерская.

— А я не знала, что в Лиоре есть подпольные дороги от каждого дома некроманта. Сегодня у нас обоих день открытий.

Он не улыбнулся. Прошёл к верстаку и провёл рукой по краю, на котором была узкая царапина. Затем неожиданно отнял ладонь.

— Что? — спросила я.

— Ничего. Надо уходить.

— Вы говорите «ничего» примерно так же часто, как канцелярские служащие говорят «подождите». Я уже научилась не верить ни тем, ни другим.

Снаружи раздались голоса. Доносились они не из подземного хода, а с улицы, за заколоченной дверью мастерской. Мы оба замолчали.

— …видели женщину, — произнёс один из мужчин. — Из дома выйти не могла.

— Осмотрите задний двор. По распоряжению хранителя проверка должна закончиться до вечера.

Слова оборвались за шагами, уходившими по мокрому гравию. Ренар подождал ещё немного, потом снял с петель деревянную планку, закрывавшую узкую боковую дверь. Она выходила к ограде старого кладбища.

— Кто такие эти люди? — спросила я, когда мы оказались под дождём.

— Исполнители реестрового надзора. По закону они проверяют записи, которые расходятся с обычными документами. По закону, — повторил он, — они должны были сначала прислать повестку.

— А в действительности?

— В действительности кто-то очень не хочет, чтобы вы дошли до комиссии.

Я крепче прижала к себе сумку. В ней лежала выписка с моим именем. Маленький лист бумаги, который вдруг казался тяжелее всех книг, когда-либо бывших у меня в руках.

— Значит, если бы я не пришла к вам…

— Они всё равно нашли бы вас после обращения в канцелярию.

— Не слишком обнадёживает.

— Я и не пытаюсь обнадёжить. Пытаюсь сохранить вас в живых.

Ренар повёл меня вдоль кладбищенской стены. На улицах уже начинали зажигать фонари. С Северной площади тянуло жареными каштанами, откуда-то доносилась музыка. Люди спешили домой и понятия не имели, что в нескольких переулках от них человек, которого они могли бы принять за обычного чиновника, охотится за женщиной, официально умершей семь лет назад.

На углу Ренар остановился у тесной чайной лавки. Над дверью висела вывеска с чайником без ручки. Изнутри пахло имбирём. Он долго смотрел на неё, словно выбирал между несколькими одинаково плохими решениями.

— У меня есть знакомая, — сказал наконец. — Она умеет читать архивные описи. Не спрашивайте, почему я ей доверяю. Лучше подумайте, готовы ли вы доверять мне хотя бы настолько, чтобы не назвать своё имя первому встречному.

— А вы готовы объяснить, почему мне следует это делать?

— Потому что эти люди могут вызвать вас по имени в присутствии свидетелей. Если вы ответите, им станет проще установить связь с записью о смерти и удержать вас до окончания сверки. Вы не станете невидимой, если промолчите. Просто останетесь для них человеком, чью личность придётся доказывать обычным способом.

Я посмотрела на него. Он ответил без своей обычной загадочной паузы.

— Вот видите, — сказала я. — У вас получается говорить по-человечески.

— Не привыкайте.

В чайной лавке за стойкой стояла пожилая женщина с одной серебряной серьгой. Она подняла глаза на Ренара, потом на меня. Взгляд её на миг задержался на моей руке, сжимавшей выписку.

— Ты всё-таки пришёл за книгой, — сказала она Ренару.

— Не за книгой. За ключом от верхней комнаты, госпожа Астер.

У меня внутри похолодело. Имя, которое он назвал, я слышала сегодня у его двери: он принимал меня за кого-то, кто пришёл по поводу родственника госпожи Астер.

Женщина внимательно посмотрела на его мокрый жилет.

— Поздно, — произнесла она. — Для чего бы ты ни пришёл, ты опоздал.

Ренар не ответил.

Она вынула из-под прилавка сложенный лист, завёрнутый в тонкую ткань, и положила перед ним.

— Сегодня утром это принесли из канцелярии. Моему сыну. Которого похоронили два года назад.

На листе стояла красная печать. Та же форма, что на моей выписке: круг, перечёркнутый вертикальной чертой. Только имя в середине было чужим.

Ренар прочитал несколько строк и медленно опустил бумагу.

— Что там? — спросила я.

Госпожа Астер ответила вместо него:

— Приказ явиться на сверку. Завтра к полудню.

Я посмотрела на Ренара.

Он смотрел на дату, будто увидел в ней что-то, чего не ожидал.

— Этого не должно быть, — сказал он.

И впервые за день я поверила, что некромант действительно испугался.

Глава 3. Двадцать один день

Госпожа Астер не спросила, кто я такая.

Она подняла створку прилавка, повела нас за тяжёлую занавеску и заперла дверь чайной лавки, хотя до закрытия оставалось не меньше часа. Последнего покупателя, выбирающего между двумя банками кардамона, она выставила с таким видом, словно он лично отвечал за неприятности всего Северного квартала.

За занавеской обнаружилась тесная кухня. На плите кипел чайник, у окна сушились пучки мелиссы, под потолком висели полотняные мешочки. В центре стоял круглый стол, за которым могли бы уместиться четверо, но троим было уже тесно.

— Садитесь, — приказала хозяйка.

Я послушалась. Ренар остался возле двери.

— Ты спрашивал о верхней комнате, — сказала госпожа Астер. — Держи ключ. Там всё как прежде. Постель чистая, окна закрываются изнутри. Только не вздумай снова разводить свои свечи на ковре.

— Это были не свечи.

— Тогда я особенно не хочу знать, что это было.

Она бросила ему ключ и поставила передо мной кружку чая. Мне хотелось отказаться: за последние несколько часов я получила достаточно предложений от совершенно незнакомых людей. Но кружка была тёплой, а руки — ледяными. Я обхватила её пальцами.

— Спасибо.

— Выпей, пока не остыл. Потом расскажете, почему за вами ходят надзорные исполнители.

Ренар поднял глаза.

— Вы их видели?

— С самого утра. Сначала двое у кладбища. Потом один перед моим окном. Не делай вид, будто меня это удивляет. Я двадцать лет продаю чай людям, которые предпочли бы друг друга не встречать.

Она пододвинула к нему красную повестку.

— Лучше объясни, почему умерший человек получил приказ явиться в канцелярию.

Имя в повестке было написано крупно: «Николас Астер». Ниже стояли дата смерти и номер записи. Под ними — формулировка, которую я уже знала наизусть: «Обязательная сверка». Срок указан один день.

— Один день? — переспросила я. — Мне дали двадцать один.

Ренар взглянул на меня, затем на госпожу Астер. Та, кажется, всё поняла раньше нас обоих.

— Вот оно что, — произнесла она. — Ты привёл сюда живую запись.

Я отодвинула кружку.

— Буду признательна, если перестанете говорить обо мне как о мебели.

Госпожа Астер моргнула и вдруг улыбнулась — впервые с нашего появления.

— У неё твои манеры, Фосс.

— Я не имею к её манерам никакого отношения.

— Это видно. Иначе научил бы не спорить со старшими.

— Сколько людей ещё получили такие повестки? — спросил он, не поддерживая шутку.

— Николас — единственный, о ком я знаю. Но если письма разносят мёртвым, наверняка не последний.

Ренар разложил документы на столе. Он не тронул мою выписку без разрешения: просто попросил показать печать. Я развернула лист и придвинула ближе.

— Это не одинаковые отметки, — сказала я после минутного сравнения.

— Печати? — спросила госпожа Астер.

— Круг похож, но здесь, на моей, черта проходит точно через центр. А у Николаса смещена к краю. Это не случайность гравёра: у него ещё и бороздка двойная.

Ренар взял оба листа и поднёс к лампе.

— Верно. У Леи печать периода оспаривания. У Николаса — вызов по закрытой записи. Его дело не должны были открывать без нового основания.

— Может быть, оно есть? — спросила хозяйка.

— Может. Но тогда почему вызвали покойного, а не его наследников?

Я разглядывала подпись под повесткой. Там стояло несколько канцелярских штампов, одно имя было зачёркнуто и вписано заново. Человек, который делал это, явно торопился.

— А можно поднять его дело? — спросила я.

Госпожа Астер кивнула на Ренара.

— Для того тебя и позвала.

Некромант долго не отвечал. Он наконец сел и положил ладони на стол. В тишине было слышно, как за стеной потрескивает остывающая печь.

— Давайте сначала решим, что вам необходимо знать, — сказал он мне. — А потом посмотрим на дело Николаса.

— Сегодня весь город решает за меня, что мне необходимо знать. Я начинаю уставать.

— Тогда задавайте вопросы сами.

Я поставила кружку рядом с документами и вытащила из сумки квитанцию, на которой зарисовала отметку из Реестра. Перевернула её чистой стороной и взяла карандаш.

— Сначала — сроки. День первый уже начался?

— Да. Сегодня открылась проверка. Если до конца двадцать первого дня не поступит надлежащее оспаривание, запись закроют окончательно.

— И тогда все меня забудут?

— Постепенно. Но я не могу обещать, что именно случится с вашим телом. Ни один честный некромант не станет этого обещать.

— Утешительная профессия.

— Мы редко продаём утешение.

— Это я уже заметила.

Я написала: «День 1. Осталось 20 полных дней после сегодняшнего». Ниже — «договор, личность, заверитель, свидетели». Ренар наблюдал за тем, как движется карандаш, но не вмешивался.

— Теперь расскажите о договоре, — продолжила я. — Если я действительно добровольно передала имя, на каком основании его можно вернуть?

— Законная передача не обязательно вечна. Но для досрочной отмены нужно согласие обеих сторон. Для отмены после истечения отсрочки требуется доказать существенное нарушение: принуждение, обман относительно последствий или незаконный предмет сделки. Иначе комиссия оставит запись в силе.

— То есть одной моей подписи недостаточно, чтобы признать всё законным?

— Недостаточно. Но она создаёт презумпцию согласия. Вам придётся её опровергать.

Госпожа Астер фыркнула.

— Как удобно для тех, кто хранит доказательства у себя.

— Именно, — ответил Ренар.

Я посмотрела на него поверх листа.

— Вы поставили подпись как заверитель. Выходит, у комиссии будет ваш голос. Почему нельзя просто сказать: «Я тогда ошибся»?

— Потому что заверитель обязан подтверждать факты. Если я признаю нарушение без документов и независимых свидетельств, Орт потребует признать моё заявление ложным. Тогда исчезнет не только сила показаний, но и возможность защищать другие дела.

Имя прозвучало впервые.

— Орт — кто?

Ренар задержал взгляд на моём карандаше.

— Магистр Северин Орт. Хранитель Реестра. Он возглавляет комиссию, которая рассматривает нарушения.

— Великолепно, — сказала я. — То есть чтобы пожаловаться на записи, нужно обратиться к тому, кто отвечает за записи.

— В комиссии есть независимые члены, — возразила госпожа Астер. — И публичная процедура, если заявитель успеет собрать нужные доказательства. Эти возможности ещё не отменили.

— Пока, — тихо добавил Ренар.

Мне не понравилось, как они переглянулись. Я записала имя магистра и обвела его.

— Следующий вопрос: почему помнит меня Ренар, а мать — нет?

— Я подписывал договор. Имена заверителей записываются отдельно и удерживаются в памяти магической связью, пока действует процедура. Вашу мать могли затронуть первой из-за близости к вам и связи с договором. Но точной последовательности я не знаю.

— Почему вы не сказали мне об этом семь лет назад?

— До конца отсрочки прямое разглашение условий запустило бы закрытие записи раньше срока. Это было предусмотрено договором.

— А теперь срок истёк.

— Теперь я могу объяснить процедуру. Но часть первоначальных обстоятельств по-прежнему связана клятвой; для их раскрытия нужны документы или завершённое оспаривание.

Я положила карандаш. Ответ звучал так гладко, что хотелось разорвать его на части и посмотреть, не спрятана ли внутри очередная ловушка. Но факт оставался фактом: у меня были выписка, двадцать один день и человек, который хотя бы не притворялся, будто всё в порядке.

— Хорошо, — сказала я. — Вернёмся к Николасу. Почему его письмо так вас встревожило?

Ренар положил повестку на середину стола.

— Потому что Николас Астер умер два года назад. Его смерть зарегистрировали обычным порядком. Никакой передачи имени у него не было.

Хозяйка крепко сжала чашку.

— Я сама принесла свидетельство, — произнесла она. — И заплатила за похороны. Ты там был.

— Помню.

— Так почему теперь они вызывают его на сверку?

Ренар посмотрел на нижний угол листа.

— Здесь указан номер чужого договора. Не Николаса. Его именем пытаются дополнить запись, которую открыли сегодня.

Он перевернул повестку. На обороте была тонкая черта, почти незаметная, если не поднести бумагу к свету. Я увидела в ней знакомую форму: три короткие насечки, пересечённые длинной.

— Подождите.

Я достала свою квитанцию и положила рядом. Рисунок совпадал не идеально: одна насечка на повестке была ниже остальных. Но порядок линий был тем же.

— Откуда у вас это? — спросил Ренар.

— В архивном томе возле моей записи. На переплёте, не на документе. Отец учил меня так помечать скрытые повреждения и подозрительные вставки.

Он поднял квитанцию. Госпожа Астер наклонилась ближе.

— Я видела такой знак, — сказала она. — Не на бумаге. На коробке, которую Николас принёс домой за неделю до смерти.

Всё замерло. Даже Ренар перестал двигаться.

— Где коробка? — спросила я.

Хозяйка посмотрела на запертую дверь.

— Я её не сохранила. После похорон пришли люди из архива. Сказали, что вещи принадлежат канцелярии. Я отдала. Тогда мне было не до споров.

— Вы помните, как она выглядела?

— Тёмное дерево, железные уголки. Слишком тяжёлая для своих размеров. Николас сказал, что внутри испорченные переплёты и что никто не должен их трогать.

Ренар медленно опустил голову.

— Значит, дело не в том, что открыли запись Николаса, — произнёс он. — Они проверяют, не сохранился ли у кого-то второй экземпляр.

— Экземпляр чего? — спросила я.

Он посмотрел на мой рисунок.

— Я не знаю. Но сегодня утром вы нашли знак в книге, которую много лет никто не должен был открывать. А вечером другое дело с тем же знаком внезапно возвращают на сверку.

Госпожа Астер выпрямилась.

— Если это связано с моим сыном, я хочу знать всё.

— Я тоже, — сказала я.

Ренар устало потёр переносицу. Он всё ещё был бледен после подземного хода, и вдруг мне стало ясно, почему он избегал больших объяснений: каждое новое слово, казалось, прибавляло ему не столько вины, сколько тяжести.

— Поднимемся наверх, — сказал он. — Здесь есть книги Николаса, которые исполнители не нашли. Если в них осталась запись о том, что он видел, я смогу её прочесть.

— Вы сказали, что читаете память умерших, — вспомнила я. — Это значит, мы сможем с ним поговорить?

— Нет. Люди слишком любят воображать, будто мёртвые терпеливо ждут, пока мы зададим им вопросы. Остаточный след — это последние сильные впечатления, закрепившиеся в вещи. Иногда запах, иногда слово. Очень редко — ясная картина. И я не могу заставить след показать то, чего в нём нет.

— Значит, никаких удобных признаний.

— Боюсь, нет.

Поднимались по узкой лестнице. Верхняя комната была меньше кухни: кровать, низкий шкаф, столик под окном. В углу стоял сундук с плоской крышкой. Хозяйка отперла его и вытащила несколько книг, перевязанных синей тесьмой.

— Это осталось после Николаса, — сказала она. — Он работал при городской переплётной мастерской, пока его не перевели в канцелярию. Забирал домой книги, чтобы переписать описи. Я думала отнести их в архив, но потом решила, что с меня достаточно.

Я взяла верхний том. Переплёт был простым, тканевым, со скошенными углами. На форзаце рукой Николаса было выведено: «Каталог поступлений. Северная мастерская». Дальше шли даты, названия и номера коробок.

— Значит, он тоже работал с книгами, — сказала я.

— С ними он разговаривал чаще, чем со мной, — ответила госпожа Астер. — А я всё равно его любила.

Мы замолчали.

Ренар развернул вторую книгу и коснулся указательным пальцем корешка. Он не произнёс ни слова. Бронзовый медальон на его шее потемнел; воздух над страницей будто сгустился. Я ощутила едва заметный запах дыма — не от печи, а более резкий, похожий на горелую кожу.

Ренар отнял руку.

— Что вы увидели? — спросила я.

— Ничего связного. Холодный склад. Скрип колёс. И страх, очень сильный. У Николаса в руках была эта книга, когда он в последний раз боялся за свою жизнь.

Он сжал пальцы и едва заметно покачнулся. Я отодвинула стул к нему. Некромант посмотрел на меня с удивлением, но сел.

— Не благодарите, — сказала я. — Мне будет неудобно допрашивать вас, если вы упадёте в обморок.

— Я учту.

Пока он приходил в себя, я листала каталог. На первых страницах стояли обычные записи: молитвенники, сборники постановлений, купеческие книги. Несколько листов ближе к середине были вырезаны. Не вырваны — аккуратно отделены ножом вдоль шва.

Я наклонила книгу к свету.

— Здесь что-то удалили.

Госпожа Астер подошла ближе.

— Это могла сделать канцелярия?

— Могла. Но тот, кто вырезал страницы, не заметил, что чернила просочились на следующий лист.

Я провела подушечкой пальца по едва различимому пятну. Несколько букв проступали под косым светом: «Сев…» и номер «14/7». Дальше всё расплывалось.

— Нужен свет поярче и тонкая подложка, — сказала я. — Может, удастся прочитать остаток. Но не здесь и не сейчас.

Ренар поднялся.

— Утром отвезём книгу в вашу мастерскую.

— В мою квартиру, откуда исчезли документы? В доме, который наверняка уже проверяют?

Он помолчал.

— Верно. Тогда сюда придётся принести инструменты.

Госпожа Астер забрала у него каталог, но не стала перевязывать.

— Оставляю комнату вам обоим, — сказала она. — И пока вы здесь, никаких споров о том, кто кому принадлежит. Если мне ещё раз придётся слушать про чужую собственность, я выгоню вас обоих.

Она ушла, тихо прикрыв дверь.

Мы остались рядом с книгой и незнакомым номером. На стене возле окна висело маленькое зеркало в потемневшей раме. Я поймала в нём своё отражение: растрёпанные волосы, промокший воротник, царапина на щеке, которой утром не было. Лицо осталось моим. Я вдруг испытала к нему почти болезненную нежность.

— Вы не обязаны здесь оставаться, — сказал Ренар. — Если вам будет спокойнее, я могу устроиться внизу.

— Мне будет спокойнее, если вы перестанете решать, что для меня лучше.

Он склонил голову.

— Справедливо.

Это короткое согласие почему-то произвело на меня большее впечатление, чем вся его прежняя учёность. Я села к столу и обвела карандашом номер «14/7» на собственной квитанции.

— Завтра найдём, к какой коробке он относится, — сказала я.

— Завтра попытаемся, — поправил Ренар. — В архиве за нами уже наблюдают.

— Тогда начнём с переплётчиков. Среди моих знакомых есть люди, которые не любят канцелярию гораздо сильнее, чем некромантов.

Он едва заметно усмехнулся.

— Впервые слышу, чтобы нас использовали как меру популярности.

— Вы просто редко бываете среди нормальных людей.

Я захотела улыбнуться — на этот раз не от испуга.

Ренар занялся ставнями, а я переписала на отдельный лист всё, что удалось узнать. Четыре требования для оспаривания. Имя магистра Орта. Николас Астер. Номер «14/7». Метка отца. И запись, сделанная крупнее остальных: «Не называть себя людям с повесткой».

Последней я добавила дату.

День первый. Осталось двадцать дней.

Я посмотрела на список. Он был жалким, неполным и совсем не похожим на план спасения.

Но утром у меня не было даже его.

Внизу скрипнула входная дверь чайной лавки. Мы оба замерли, прислушиваясь. Послышался голос госпожи Астер, раздражённый и спокойный одновременно:

— Мы закрыты. И если вы из канцелярии, приходите утром с письменным распоряжением.

Мужчина ответил слишком тихо, чтобы разобрать слова. Затем зазвенели монеты. Дверь закрылась.

Ренар медленно отдёрнул руку от ставни.

— Они нашли нас? — прошептала я.

— Не знаю. Но теперь у нас есть ещё одна причина не ждать до утра.

Он подошёл к столу и указал на номер в каталоге.

— Четырнадцать через семь. Это может быть не номер коробки. В старой системе архива дробью обозначали том и лист.

— Значит, том четырнадцать, лист седьмой?

— Возможно.

Я оглянулась на тёмное окно. За ним по мокрой улице проходил фонарщик, методично зажигая огни. Мне подумалось, что где-то в огромном архиве Лиора стоит том, который я, возможно, держала в руках семь лет назад. И где-то между его страницами лежит ответ, за который у меня теперь хотят отнять последние двадцать дней.

— Тогда нам придётся вернуться туда, — сказала я.

Ренар не спорил. И это испугало меня сильнее, чем если бы он снова попытался запретить.

Глава 4. Комната без хозяйки

Когда человек исчезает, его вещи ещё некоторое время ведут себя так, будто ничего не случилось.

Я выяснила это на второе утро после собственной смерти.

До рассвета мы с Ренаром почти не спали. Госпожа Астер отдала нам комнату над чайной лавкой, принесла два одеяла и велела не стучать каблуками: половицы здесь были старше любого из нас и имели право на покой. Ренар устроился на узком диванчике у двери, хотя я предложила поделить кровать пополам и не создавать из обычного сна нравственное испытание.

— Я не сплю в присутствии незнакомых людей, — ответил он.

— А я, по вашим словам, совсем не незнакомая.

Он погасил свечу.

Мне хотелось продолжить спор, но глаза закрылись раньше, чем я придумала достойную реплику. Проснулась я от собственного имени.

Кто-то произнёс его во сне. Голос был мужским, негромким и таким знакомым, что я потянулась к нему, ещё не понимая, где нахожусь.

Когда открыла глаза, рядом никого не было. За окном светало. На столе лежал лист с моими записями: четыре условия оспаривания, имя Орта, Николас Астер, загадочное «14/7». Вчера вечером мне казалось, что этот список — начало спасения. Утром он напоминал перечень вещей, которые мы не успеем сделать.

Внизу стукнула дверь. Потом прозвучал голос госпожи Астер:

— Если не принесли свежую сдобу, то мне неинтересно, что думает городская канцелярия.

Я села, прислушиваясь. Ответа не последовало. Дверь закрылась. Хозяйка выругалась так изобретательно, что я невольно улыбнулась.

В комнату вошёл Ренар с чашкой чая.

— На улице спокойно, — сообщил он. — Пока.

— После этого слова вы когда-нибудь говорите что-нибудь обнадёживающее?

— Чай горячий.

Он поставил чашку на стол.

Я посмотрела на его руки. Вчера в подземном ходе они дрожали после заклинания. Теперь он двигался уверенно, но при повороте головы поморщился, словно шею сводило судорогой.

— Вы хоть немного спали?

— Достаточно.

— Значит, нет.

Ренар никак не отреагировал. Я тоже не стала развивать тему. У нас имелись более срочные разногласия.

— Мне нужно домой, — сказала я.

— Нет.

— Какая неожиданность.

Он сел напротив.

— Вчера исполнители искали вас в моём доме. Вы назвали адрес при регистрации. Вашу квартиру проверят в первую очередь.

— Мне нужны инструменты. Без них я не прочитаю отпечатки в каталоге Николаса.

— Найдём другие.

— У вас есть тонкий пергамент для переводных оттисков, костяная гладилка с неповреждённым ребром и лампа с регулируемой заслонкой? И, главное, вы умеете ими пользоваться?

— Я могу достать всё необходимое.

— Когда? Через три дня? Через неделю? У нас осталось двадцать полных дней, а комиссию возглавляет человек, которого вы сами не хотите видеть.

Ренар повернул чашку за ручку. Он делал это каждый раз, когда не собирался соглашаться, но ещё подбирал причину.

— Вы пойдёте туда и обнаружите надзор у двери, — сказал он.

— Тогда вернусь.

— А если обнаружите их уже внутри?

— Не стану входить.

— Вы слишком уверены в собственной осторожности.

— А вы слишком уверены, что мою жизнь удобнее прожить за меня.

Мы посмотрели друг на друга. Внизу зазвенели чашки: госпожа Астер явно решила не вмешиваться. И оттого её присутствие ощущалось ещё отчётливее.

Наконец Ренар поднялся.

— Пойдём вместе. Сначала осмотрим улицу. Никакого геройства и никаких споров на пороге.

— А если я скажу «нет»?

— Тогда вы пойдёте одна, — ответил он. — И это будет глупее.

Такое признание моего права ошибаться оказалось неожиданно приятным.

* * *

Мы вышли через заднюю дверь чайной лавки, миновали двор с мокрыми бочками и оказались в переулке между конюшней и часовым магазином. Лиор только просыпался. Окна ещё были тёмными, на мостовой скрипела телега с молочными бидонами, а у водостока двое мальчишек спорили о цене найденной медной пуговицы.

Они смотрели на меня без всякого удивления.

Сначала я обрадовалась. Потом вспомнила объяснение Ренара: чужие люди могут меня видеть, разговаривать со мной и даже запоминать на некоторое время. Исчезало не тело, а то, что связывало его с именем и прежней жизнью.

— Если я скажу тем мальчишкам, как меня зовут, они забудут? — спросила я.

— Возможно, позже. Не стоит проверять это на детях.

— Вы всегда читаете нравоучения таким голосом, будто оглашаете приговор?

— Только по утрам.

Мы свернули к Южной улице.

Чем ближе подходили к моему дому, тем медленнее я шла. Вчера здесь всё ещё было моим: скрипучая лестница, запах нагретого металла из часовой лавки, маленькое окно над крыльцом. Я боялась увидеть другое место. Или — что было хуже — то же самое место, которое почему-то уже не имело ко мне отношения.

У дома стояла стремянка. Часовщик Редли снимал вывеску с кронштейна, чтобы протереть позолоченные стрелки.

Я знала его четыре года. Знала, что он ненавидит летнюю жару, каждую субботу играет в кости и прячет лучшие пирожные от своей жены в коробке с запасными пружинами. Однажды он выручил меня, когда я потеряла ключ: снял дверной замок и поставил новый, не взяв ни монеты.

— Доброе утро, господин Редли, — сказала я.

Он посмотрел вниз.

— Доброе, барышня. Осторожнее: пыль летит.

— Как ваши часы с кукушкой?

— А вы откуда про них знаете?

Я остановилась.

Вопрос был задан без подозрения. Просто незнакомка вдруг упомянула часы, которые он три месяца безуспешно пытался починить.

— Я живу наверху, — ответила я.

Редли поставил тряпку на ступеньку.

— Наверху квартира закрыта.

— Со вчерашнего дня?

— С тех пор как её освобождали, наверное. Хозяин я, в конце концов, должен знать.

— А договор аренды?

— Пустой. Видел уже. У меня такое впервые. Пойду сегодня в управление, пусть объяснят, что за безобразие.

Ренар стоял за моей спиной, не вмешиваясь. Я видела в отражении витрины, как он внимательно следит за углом улицы.

— А вещи? — спросила я. — В квартире ведь остались вещи.

— Остались. Мебель, книги, всякое добро. Вчера вечером приходили из учётной службы, интересовались. Сказали, пока ничего не трогать: требуется опись бесхозного имущества.

Он говорил об этом почти с удовольствием человека, у которого наконец появилась тема для жалобы чиновникам.

— Приходили вечером?

— Двое. С печатью. Я им сказал, что без письменного предписания чужую мебель не отдам. Если чего и не люблю, так это когда бумажки считают хозяевами людей.

Мне захотелось его обнять.

— Можно подняться? Мне нужно кое-что забрать.

Редли осмотрел меня внимательнее.

— Вы родственница прежней жилицы?

Я почувствовала, как Ренар напрягся.

— Я… — начала я.

Не могла ответить правду. Но не хотела и врать этому человеку.

— Я знаю, какие вещи там лежат, — сказала наконец. — И могу доказать, что часть из них моя.

— Простой вопрос не требует такого сложного ответа, барышня.

— Последние два дня меня преследуют сложные ответы.

Часовщик вздохнул. Затем слез со стремянки и снял с пояса связку ключей.

— Пять минут. И ничего не уносить без моего разрешения. Там сейчас опись, а мне потом объясняться.

— Спасибо.

— Не благодарите раньше времени. За вами поднимусь и посмотрю, чтобы не натворили дел.

* * *

На лестнице скрипнула третья ступень.

Я остановилась и едва не рассмеялась от облегчения. Ничего не изменилось. Даже старое дерево помнило меня лучше, чем люди.

Редли открыл дверь новым запасным ключом. Мой собственный пока оставался в сумке, но я не решилась его показывать.

В квартире пахло вчерашним чаем и клеем. На столе стояла немытая чашка. Платье по-прежнему висело на спинке стула, возле печи сохли сапоги. На подоконнике лежал сломанный карандаш, который я собиралась выбросить ещё на прошлой неделе.

Всё было на своих местах.

И всё выглядело чужим.

На двери изнутри красовался узкий бумажный ярлык с городской печатью. Похоже, служащие успели побывать здесь после моего ухода. Я прочла: «Помещение временно не имеет зарегистрированного нанимателя. Имущество до выяснения принадлежности не перемещать».

Рядом мелким почерком кто-то дописал: «Обращение № 86».

Не знала бы я, что квартира моя, — поверила бы. Вещи, аккуратно расставленные по комнате, превращались в чужую собственность от одной полоски бумаги.

— Вот и что с этим делать? — проворчал Редли, показывая на ярлык. — Уведомление повесили, а объяснить ничего не потрудились.

Я протянула руку к чашке.

На ободке осталась крошечная трещина — моя старая неосторожность. Прикоснулась к ней пальцем и вспомнила, как ругалась в тот день, когда чашка упала с подноса.

— Я здесь жила, — произнесла я.

Редли перестал ворчать.

— Послушайте, барышня…

— Каждое утро открывала это окно, потому что вы жарите кофе слишком крепко, и запах поднимается через половицы. По вторникам у вас заедает маятник в больших часах у стены. А в прошлом декабре мы вместе вынимали кошку из водостока. Она поцарапала вам левую руку, и вы три дня держали её в повязке.

Он машинально посмотрел на кисть.

Там действительно белела тонкая полоска шрама.

— Водосток… — повторил он. — Да, кошка была.

— Я держала лестницу.

Редли нахмурился. Его взгляд переместился ко мне, потом к дверному косяку.

— Нет, лестницу держала жена.

— Ваша жена боится высоты.

— Она и не поднималась. Просто стояла внизу.

— Не стояла. Вы были вдвоём со мной.

Он потёр висок.

— Не могу вспомнить. Странно. А почему вы всё это знаете?

Я хотела закричать. Или встряхнуть его, как когда-то мать встряхивала меня, если я падала в обморок от слишком долгой работы в душной мастерской.

Вместо этого взяла со стола тонкую кожаную папку.

— Здесь мой рабочий заказ. На первой странице дата приёма. На второй — описание повреждений. Я делала запись сама.

Редли посмотрел.

Строка с именем мастера была пустой.

— Видите? — спросил он мягче. — Может, вы и правда работали здесь. Но мне нужна бумага с вашим именем, иначе я не имею права ничего выдавать.

Ренар впервые вмешался:

— Господин Редли, мы не претендуем на мебель. Нужны только личные инструменты ремесленника. Я заверю расписку, а вы сохраните копию до решения комиссии.

Часовщик вскинул голову.

— Вы кто будете?

— Ренар Фосс.

Имя произвело впечатление. Не самое приятное.

— Некромант?

— Да.

— У меня жена потом три ночи спать не будет.

— Тогда лучше не рассказывайте, — заметила я.

Редли строго посмотрел на меня, но улыбка невольно тронула его лицо. Исчезла почти сразу.

— Ладно, — сказал он. — Только инструменты. И расписку. Клянусь, когда всё это закончится, буду брать плату за каждую бумажку отдельно.

Я двинулась к рабочему столу.

* * *

Свой инструмент я собирала медленно.

Костяная гладилка с гладким, отполированным от многолетней работы ребром. Маленький нож с широким лезвием. Пинцет, линейка, мягкая кисть, стеклянная пластинка и рулон тончайшей бумаги, которую мне доставляли из Южных мастерских.

Всё это помещалось в кожаный футляр, сшитый отцом ещё до моего первого самостоятельного заказа.

На внутренней стороне крышки он вытиснил мои инициалы.

Я открыла футляр.

Буквы исчезли.

Остались только две неглубокие вмятины, словно отец когда-то передумал завершать работу.

Я провела по ним пальцем.

Ренар стоял рядом. Кажется, он хотел что-то сказать, но вовремя промолчал.

— Не надо меня жалеть, — произнесла я.

— Не собирался.

— Тогда не смотрите так.

— Как?

— Будто всё это уже видел.

Он отвёл глаза.

Я застегнула футляр слишком резко. Пряжка ударила по столу.

— Знаете, что хуже всего? — спросила я. — Вы хоть помните, откуда знаете меня. А у меня даже нет права спросить у матери, какое платье она купила мне на шестнадцатилетие. Она не вспомнит, что у меня вообще было шестнадцатилетие.

— Я помню, что вы носили тогда зелёное, — тихо сказал Ренар.

Я подняла голову.

— Вы знали меня в шестнадцать?

Он замер. Видимо, понял, что сказал лишнее.

— Нет. Я видел старую запись о вашем восемнадцатом дне рождения. На ней было зелёное платье.

— Запись? Вы только что говорили, что воспоминания и изображения исчезают.

— Не все сразу. И у заверителя сохранились некоторые материалы вне обычного учёта.

— У вас есть моя фотография?

— Есть копия одного старого документа. С изображением.

— Почему вы не показали его?

Ренар не нашёл ответа.

— Понятно, — сказала я. — Значит, вернёмся к этому после того, как перестанем убегать от городских служащих.

Остаток фразы я произнесла ровнее, чем чувствовала себя. Но кое-что отметила про себя: Ренар хранил вещи, связанные со мной, и не торопился признавать, какие именно.

У окна послышался голос Редли:

— Скоро заканчивайте. На улицу кто-то подъехал.

Мы оба повернулись.

К дому приближалась небольшая закрытая карета с тусклым гербом учётного ведомства на дверце. Двое мужчин сидели на козлах. Третий спрыгнул на мостовую и расправил серый плащ.

Ренар подошёл к окну, посмотрел вниз и быстро отступил.

— Это те же люди? — спросила я.

— Одного видел у моего дома.

Редли выпрямился.

— У них есть распоряжение?

— Возможно, — ответил Ренар. — Нам лучше уйти до разговора.

— А расписка?

— Я подпишу её сейчас.

Он достал из внутреннего кармана маленькую дорожную чернильницу. В отличие от меня, этот человек, похоже, ожидал непредвиденных случаев и носил половину канцелярии с собой.

Пока Ренар писал, я вспомнила о другом предмете.

Под столешницей у меня был узкий выдвижной лоток. Отец установил его сам — для листов, которые нельзя случайно испачкать клеем. Я почти никогда им не пользовалась: предпочитала держать всё на виду.

Но в детстве он учил меня простому правилу: бумагу, которую не должен видеть заказчик, не прячут в книге. Её прячут там, где каждый день ищешь инструменты.

Я нащупала нижний край лотка.

Он не поддавался.

Тогда вспомнила, что слева есть деревянный штифт. Нажала. Лоток выдвинулся на ладонь.

Внутри лежал узкий конверт.

Я не помнила, чтобы клала его туда.

На конверте не было имени. Только та самая отметка: три короткие черты, перечёркнутые длинной.

Сердце застучало быстрее.

Я подцепила клапан ногтем. Он был заклеен старым животным клеем, давно высохшим и ломким. Открывать так нельзя — можно было порвать бумагу. В другое время я взяла бы пар и терпеливо размягчила край.

Сейчас времени не было.

Я аккуратно срезала узкую полоску ножом.

Внутри находился сложенный листок.

Никаких признаний. Никакого полного объяснения того, как я умерла.

Всего две строки, написанные моим почерком:

«Если метка найдена на городском томе — не вскрывай корешок без свидетеля».

И ниже:

«14/7. Смотри на шитьё, не на номер».

Я прочла их ещё раз.

— Лея, — позвал Ренар. — Нам пора.

Я сложила записку и убрала в футляр, под кисть. Не потому, что не доверяла ему, — по крайней мере, не только поэтому. Мне хотелось сначала понять собственные слова, прежде чем позволить другому человеку объяснить их за меня.

— Готова, — ответила я.

* * *

Внизу хлопнула входная дверь.

— Господин Редли! — донёсся голос. — У нас предписание на проверку помещения.

— У меня тоже есть предписание, — ответил часовщик. — От жены. Не пускать мокрых людей к деревянному полу.

Я прижала футляр к груди.

Ренар шагнул к двери комнаты, но я остановила его за рукав.

— Лестница одна.

— Знаю.

— А окно выходит на крышу пристройки.

Он посмотрел на меня.

— Вы не собираетесь туда выходить.

— На крышу не собираюсь. Там рядом пожарная лестница. Редли поставил её после прошлогоднего пожара на чердаке. Выглядит декоративно, но выдерживает человека.

— Вы проверяли?

— Дважды. Оба раза без разрешения хозяина.

Внизу слышались шаги.

Ренар подхватил футляр, открыл окно и выглянул наружу. Между стеной и крышей было меньше шага. Дождь превратил черепицу в скользкую дорожку.

— Сначала я, — сказал он.

— Прошу вас, не надо делать вид, что я хрупкая ваза.

— У вас обувь с гладкой подошвой.

Я посмотрела вниз.

Он был прав, что раздражало особенно сильно.

Ренар перелез через подоконник, опёрся рукой на мокрый карниз и протянул мне ладонь. Я хотела отказаться из принципа, но с лестницы уже доносился требовательный голос надзирателя.

Я взяла его руку.

Она оказалась тёплой, сухой и крепкой. Для некроманта — удивительно живой.

Мы выбрались на крышу пристройки, затем перебрались к железным ступеням. Одна из них с грохотом провернулась под моей ногой. Ренар удержал меня за локоть прежде, чем я потеряла равновесие.

— Дважды проверяли? — тихо спросил он.

— В прошлом году она была надёжнее.

Сверху, из моего окна, высунулась голова мужчины в сером плаще.

— Стоять! От имени Реестра!

Ренар успел спуститься на несколько ступеней ниже.

— Вниз, — бросил он.

— Я и так вниз!

Мы оказались в узком дворе за мастерской, откуда можно было выйти на соседнюю улицу через ворота угольщика. Я знала этот проход с детства: иногда отец отправлял меня им, чтобы не обходить весь квартал.

Мы почти достигли ворот, когда за спиной раздался крик:

— Лея Эстер Вард!

Я вздрогнула.

Имя прозвучало так отчётливо, что тело само захотело остановиться и обернуться.

Ренар вцепился мне в плечо.

— Не отвечайте.

За спиной звякнуло что-то металлическое. Воздух на мгновение потяжелел, словно перед грозой.

— По учётной записи вы обязаны явиться на сверку! — крикнул мужчина.

Я молчала.

Мы вышли на улицу и смешались с небольшим потоком торговцев, тащивших корзины на рынок. Когда свернули за угол, только тогда позволили себе перейти с бега на шаг.

Ренар отпустил моё плечо.

— Вы целы?

Я кивнула. Потом посмотрела на него.

— Почему вы не называете меня полностью?

— Что?

— Вы всегда говорите просто «Лея». Даже когда объясняете что-нибудь официальное. А они назвали все три части имени.

Он помолчал.

— Полное имя позволяет привязать обращение к конкретной записи, если вызов произнесён уполномоченным исполнителем и есть надлежащее основание. Обычное обращение такой силы не имеет. Но лучше не испытывать пределы процедуры.

— А если я отвечу вам?

— Я не предъявляю распоряжений Реестра.

Это был ответ на вопрос, который я задала, но не на тот, который меня интересовал. Отступила ли бы магия перед его голосом? Или признала бы его владельцем моего имени?

Я не стала спрашивать. Пока.

* * *

Мы вернулись к госпоже Астер ближе к полудню, через двор булочной и заднюю дверь чайной лавки. Хозяйка встретила нас с таким видом, словно мы задержались на прогулке, а не уходили от надзорных исполнителей.

— Сапоги вытрите, — велела она. — Только что вымыла пол.

В верхней комнате на столе по-прежнему лежал каталог Николаса. Его корешок был стянут синей тесьмой, которую госпожа Астер не решилась снять.

Я разложила инструменты.

Ренар наблюдал молча. Я вынула стеклянную пластинку, тонкую бумагу и маленькую лампу. Подложила чистый лист под страницу с вырезанными местами, направила свет сбоку.

Пятно чернил на следующем листе стало заметнее.

— Вы ищете обратный отпечаток? — спросил он.

— Не совсем. Тот, кто вырезал страницы, удалил текст, но не всю работу пера. Бумага впитывает чернила неравномерно. На соседнем листе можно найти следы того, что лежало сверху, особенно если книгу долго держали под прессом.

— И вы сможете прочесть пропавшую страницу?

— Нет. Если повезёт — несколько слов. Перестаньте ожидать чудес от обычного ремесла.

Он чуть приподнял бровь.

— Приму к сведению.

Я закрепила лист между двумя тонкими пластинками и повела светом вдоль волокон. Остаточные тени собрались в смазанные линии. Сначала различила «Сев…», затем «14/7». Я уже видела их вчера.

Но теперь под цифрами проступило ещё одно слово.

«Шов».

Я остановилась.

Ренар наклонился ближе.

— Это номер страницы?

— Не уверена. Подождите.

Я вспомнила записку из лотка.

Смотри на шитьё, не на номер.

У большинства архивных книг тетради собирали из сложенных листов и прошивали через несколько проколов. Расстояния между ними были стандартными; по ним опытный переплётчик определял, когда часть блока меняли.

Я раскрыла каталог на середине. Вдоль внутреннего сгиба виднелись маленькие отверстия. Семь обычных проколов шли ровно. А между четвёртым и пятым была пара дополнительных — очень тонких.

Я провела гладилкой по шву.

— Вот, — сказала я. — Здесь книга когда-то была перешита. Не вся. Только одна тетрадь.

— И?

— Чтобы спрятать или заменить листы, необязательно трогать весь переплёт. Можно разрезать нитку между двумя проколами и вставить новую тетрадь. Если потом зашить подходящей нитью, заметит только человек, которому платят за такие вещи.

— Вы полагаете, Николас спрятал здесь что-то?

— Полагаю, он хотел, чтобы это выглядело как обычный ремонт. А кто-то позднее вырезал несколько страниц, даже не заметив, что остались лишние проколы.

Я осторожно развела соседние листы.

Между ними обнаружилась узкая полоска плотной ткани, приклеенная к корешку. На первый взгляд — обычное укрепление. Но нити на её краях шли в противоположных направлениях, как если бы её пришивали дважды.

Я просунула под край гладилку и остановилась.

— Дальше без свидетеля нельзя, — сказала я.

Ренар посмотрел на меня.

— Почему?

Я достала записку из футляра и положила на стол.

Он прочёл её, затем поднял глаза.

— Ваш почерк?

— Да. Но я не помню, когда писала.

— Вы нашли её дома?

— В лотке рабочего стола. Спрятанную так, как учил отец.

Ренар долго рассматривал две строки.

— Здесь говорится о городском томе, — заметил он. — А не о каталоге Николаса.

— Верно. И в обоих случаях есть одинаковая метка и следы перешивки. Значит, кто-то хотел, чтобы мы заметили именно соединение листов, а не надпись на них.

Он вернул бумагу.

— Тогда нужен независимый свидетель, который понимает ценность находки.

— Госпожа Астер?

— Она заинтересованная сторона по делу Николаса. Для комиссии этого может оказаться недостаточно.

Я вспомнила фамилию, которую не слышала несколько лет.

— Мира Сольт, — сказала я.

— Кто это?

— Архивистка. Мы вместе учились переплётному делу, пока она не решила, что чинить документы менее интересно, чем командовать теми, кто их хранит. Работает в северном городском хранилище. Если до сих пор не уволилась за собственный характер.

— Вы ей доверяете?

— Я доверяю тому, что она умеет считать швы и не боится сказать начальству, что оно ошибается.

Ренар кивнул, но его лицо оставалось напряжённым.

— Северное хранилище подчиняется Реестру.

— Не все служащие канцеляристов — преступники. Иначе нам пришлось бы допрашивать весь город по очереди.

За окном зазвонил колокол ближайшей часовни. Не на Тихих Колоколах — там колокола давно молчали, — а где-то у рынка, где ещё продолжалась обычная жизнь.

Я взглянула на свой футляр. В нём лежала записка семилетней давности, а рядом — инструмент, оставленный отцом. Два маленьких доказательства того, что моя жизнь не началась сегодняшним утром.

— Мы пойдём к Мире, — сказала я.

— Сначала надо убедиться, что за нами не следят.

— Конечно. А потом найдём её.

Я была готова спорить, но Ренар неожиданно ничего не возразил.

Он только посмотрел на каталог, на скрытый шов, на аккуратную записку моим почерком.

— Вы ведь понимаете, — произнёс он, — что тот, кто оставил вам эту инструкцию, знал: однажды вы забудете, зачем она нужна?

Я медленно кивнула.

И только теперь позволила себе испугаться по-настоящему.

Семь лет назад я не просто нашла чужую тайну.

Я заранее готовилась к тому, что придётся расследовать собственную жизнь заново.

Глава 5. Вторая покойница

К Мире Сольт нельзя было приходить без предупреждения.

Последний раз, когда я так поступила, она заставила меня два часа сортировать квитанции по году, цвету чернил и степени идиотизма тех, кто их составлял. Последний признак оказался самым удобным: большую часть бумаг удалось сложить в одну стопку.

Теперь мне требовалась услуга посерьёзнее, чем исправить ошибку в описи. И я очень надеялась, что за семь лет Мира не научилась отказывать ещё убедительнее.

— Она работает на Северное хранилище? — спросил Ренар, когда мы вышли из лавки госпожи Астер через служебный двор.

— Да. И прежде, чем вы снова скажете, что хранилище подчиняется Реестру, учтите: Мира скорее подчинит Реестр себе.

— Прекрасная рекомендация для человека, которого вы собираетесь попросить нарушить правила.

— Мы не собираемся их нарушать.

Я сказала это уверенно, хотя пока не придумала, каким образом уговорить сотрудницу государственного архива вскрыть чужую книгу и официально удостоверить находку.

Ренар бросил взгляд на мой футляр.

— Если девушка действительно настолько принципиальна, она первым делом спросит, откуда у вас каталог.

— И правильно сделает.

— А когда узнает, что он принадлежал покойному Николасу Астеру?

— Предложит вернуть матери. Что мы и собираемся сделать.

— Вы упускаете ту часть, где Николасу вчера прислали повестку на сверку.

— Ничего я не упускаю. Я просто не намерена начинать знакомство с Мирой словами «добрый день, нас преследуют люди из Реестра, а заодно у нас появился вопрос к мертвецу».

Ренар некоторое время шёл молча.

— Вынужден признать, — сказал он наконец, — ваше вступление лучше моего.

Я взглянула на него с подозрением. Он смотрел прямо перед собой, но у уголка рта мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Это была первая улыбка некроманта, которую мне удалось увидеть. Неудобно было признавать, но ему она шла.

* * *

Северное хранилище занимало бывший монастырь, от которого сохранились строгие стены и привычка делать посетителей несчастными.

В прихожей висела доска с правилами: не разговаривать, не пользоваться открытым огнём, не приносить еду, не складывать бумаги друг на друга, не касаться печатей без разрешения. Последнее правило кто-то подчеркнул дважды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.